

ОЛЬГА КУЦЕНКО,

кандидат философских наук, доцент социологического факультета Харьковского Национального университета им. В.Н.Каразина

**Возвращение классов?
Перспективы классового анализа
постсоветской реальности**

Abstract

The author considers the gnosiological perspectives of class concept for study of post-Soviet transformation, and supports the conclusion about the essential role of classes in the High Modernity era. The Marxist and Weberian sociological heritage is considered as a background of class analysis and revised on the mutual complementary principles. Such revise lies in the structural-agency framework, which is realized although differently both by A.Giddens and P.Bourdieu in the contemporary sociology.

Such a class concept reflects a social power (capacity) of the big social formations which have unequal locations into the main social resources that determine their life chances, social dispositions and practice, social claims and capacity of the common (cooperative) actions. The macro structural class divisions concretize in those social resources and life chances which flux from the individual civic, market and work situation. The diathropical and emergency nature of class is increased under the period of quick social change.

There are numerous class positions forming in contemporary Ukrainian social space which accumulate social power (capacity) and can dichotomize the post-Soviet society.

Постсоветская реальность, реальность трансформирующегося общества поставила отечественных социологов перед проблемой несформированности адекватного языка для описания наблюдаемых явлений и процессов, многие из которых носят феноменальный характер. Такая ситуация не только делает невозможным адекватное описание многомерной социаль-

ной реальности, но и ограничивает пространство наблюдения областью известного и пройденного. В этой связи важнейшей задачей для социологии становится отработка категориального аппарата на основе пересмотра и развития имеющегося знания, возможного синтеза его непротиворечивых компонентов. В статье будет акцентировано внимание на эвристичности, гносеологической продуктивности концепта класса для анализа процессов постсоветской трансформации.

Современное украинское общество активно ищет новые формы идентичности и каналы развития. Этот поиск происходит через самодетерминацию как ответ на вызовы и возможности среды [1]. Естественные, стихийные процессы упорядочивания, возникающие в социальной практике людей, переплетаются с реформистски направленной деятельностью различных акторов, формируя каналы возможного движения общества. В процессе самодетерминации происходит переструктурирование социального пространства, накопление новых социальных акторов и практик, утверждение новых социальных различий, поиск новых солидарностей. Понимание направленности данных процессов связано с пониманием тех социальных акторов, которые через свою деятельность способны существенно влиять на пространство социальных отношений. Такие действия воспроизводят структурно-культурные реальности, изменяют их и вместе с тем сами изменяются в этом процессе. Данный процесс Э.Гидденс описывает концептом “структурация”, М.Арчер – концептом “двойной морфогенезис”, П.Бурдьё анализирует в рамках парадигмы конструктивного постструктурализма [2; 3]. И такой теоретический подход, с нашей точки зрения, представляется наиболее продуктивным в анализе современных социальных процессов, позволяющим поднять их рефлексию на более высокий уровень социологического обобщения. В частности, преодолеть ограниченность поисков социальных акторов постсоветского трансформационного процесса исключительно средой функционирующих элит. В отличие от функционирующих элит, действия других множественных социальных акторов чаще всего не подразумевают сознательное влияние на ход исторического процесса, не являются ценностными, будучи скорее тем, что Кант называл “бесконечными ценностями”, или “бесцельными целями”. Однако типизированные, солидарные выборы действующих индивидов и общностей в ситуациях повседневности оказываются решающими для социальной стабильности и для процессов изменений. Тем более решающий характер для направленности общественных процессов приобретают солидарные выборы больших групп людей, оказавшихся в подобных социальных ситуациях и стремящихся своим выбором повлиять на характер движения общества. Именно логика таких рассуждений и обуславливает исследовательский интерес к концепту класса.

Совсем недавно – на рубеже 80–90-х годов – казалось, что данный концепт изжил себя как неадекватный в объяснении современных процессов социальных изменений. В поздний период перестройки профессиональный интерес отечественных социологов резко качнулся в сторону от классового анализа, идеологизированного в советский период, к возможностям теорий социальной стратификации и статусных групп. Последние представлялись и продолжают представляться многим отечественным исследователям более современными, не идеологизированными, вполне отвечаю-

щими духу переходных процессов от закрытого типа общества и конгруэнтными эпохе постмодернизации. Правомерность такого смещения реально подкрепляется тремя типами аргументов.

Первый аргумент связан с особенностями нынешнего этапа процесса постсоветской трансформации, который непосредственным образом затронул деятельностно-культурные основы общества, вызвал его глубинное реструктурирование. В этом процессе на основе разрушенного социального пространства советского типа пока еще идет накопление социальных сил, естественный поиск, формирование и укрепление факторов нового структурирования. Очевидна происшедшая фрагментация рабочего класса, интеллигенции, очевидна множественность подвижных слоев, выделяющихся по разным социальным основаниям, очевидно формирование новых идентификационных практик. Есть ли здесь место классам? И нужно ли говорить о классах в фрагментированном многословном обществе, которое ищет свои идентичности?

Второй аргумент приходит из докатывающих до нас волн современной западной социологии, в которой с 80-х годов стали модными высказывания типа “смерть класса”, “прощай рабочий класс”, “класс как старомодный концепт, не отвечающий реальности постмодернизирующегося общества” [5; 6; 7] и т.п. Действительно, социологические исследования стали фиксировать относительное падение значения классовой идентификации, классовой основы политического поведения на фоне роста расхождения “секторов потребления”, стилизации жизни, культурных оснований социального участия в современном западном мире. Названные тенденции, безусловно, рождают сомнения в адекватности концепта класса. А в применении к отечественному обществу, кроме того, возникает вопрос о соответствии обнаруживаемых в западных обществах социальных тенденций процессам социальных изменений в постсоветских обществах.

Третий аргумент связан с особенностями познавательной ситуации в постсоветской отечественной социологии. Несмотря на высокую популярность тематики классовой структуры в советском общественном сознании, строгая теория для изучения и объяснения классов и неравенств, по сути, отсутствовала. Хотя советские социологи и внесли значительный вклад в изучение социально-профессиональных групп, их статусных характеристик и мобильности (О.И.Шкаратан, Т.И.Заславская, Р.В.Рывкина, Ю.Арутюнян, Л.А.Гордон и др.), вместе с тем советское обществоведение пользовалось в значительной мере идеологизированной, выхолощенной версией марксизма, в которой были затенены важнейшие концепты отчуждения и эксплуатации. В то же время, в современной западной социологии процессы классового образования изучены во многих мельчайших подробностях; относительно их значимых аспектов сформулированы логически стройные теории, позволяющие систематическое развитие и проверку в эмпирических исследованиях, по поводу которых продолжают бесконечные споры. К сожалению, до отечественной социологии это знание доходит в крайне фрагментированном виде.

Провокационные утверждения о “конце класса” подтолкнули исследовательские усилия ряда авторитетных социологических групп на проверку данного тезиса. На протяжении 80–90-х годов исследовательскими группами Г.Маршалла, М.Хоута, Дж.Голдторпа, Э.Райта, Дж.Эванса и дру-

гих было убедительно показано, что кристаллизация классового сознания в индустриальных странах остается высокой [см.: 8–14; и др.]. А это означает, что *классы продолжают быть ведущими акторами социальных процессов в современных обществах*. Таким образом, тезис об “упадке класса” может быть переинтерпретирован как отражающий качественные изменения содержания социальных классов и их расстановки в обществах поздней современности. *Наиболее существенные изменения* связаны с понижением значения традиционных классов, ростом влияния новых классовых измерений, смещением доминантных позиций экономического капитала, усилением культурных факторов в классовом разделении и расширением внутриклассового разнообразия через индивидуализацию и стилизацию жизни. Эта ситуация требует от социологов серьезного пересмотра своих теоретических конструктов. Становится очевидной недостаточность структурных, функциональных подходов к объяснению формирования и проявления классов, не позволяющих их рассматривать в качестве акторов, аккумулирующих социальную силу. Понять, как класс образуется, как происходит идентификация с классом, как он себя проявляет и влияет на общество, можно на пути использования деятельностно-культурных, неструктуралистских подходов, познавательные возможности которых еще ждут своего раскрытия.

Что привлекает в концепте класса? Прежде всего, те его характеристики, которые были открыты классиками и постоянно переоткрываются современными исследователями. Явление класса и его смысловые характеристики получили прекрасное теоретическое выражение в классическом наследии К.Маркса и М.Вебера. Кроме того, несмотря на то, что данное наследие определило две конкурирующие социологические традиции, их основания не являются противоречащими. Данные основания могут быть рассмотрены как дополнительные принципы в рамках целостного деятельностно-культурного подхода. На наш взгляд, своего рода принцип дополнительности, созвучный сформулированному Н.Бором, должен занять исключительно важное место в современной социологической картине мира. Речь идет об использовании взаимоисключающих и взаимоограничивающих друг друга классических понятий в виде так называемых дополнительных пар для воспроизведения целостной картины сложных социальных объектов.

И для К.Маркса, и для М.Вебера класс — это, прежде всего, возможность сознательных коллективных действий по реализации интересов большой группы людей, которые занимают подобные социальные позиции в пространстве социальных неравенств общества [15, с. 32–33, 54, 77–78; 16; 17; 18]. *Акцент на возможности коллективных, более широко — солидарных действий, направленных на общественную систему, подчеркивает то главное, что отличает класс от статусной и любой иной группы*. Именно на этой основе возможен определенный синтез идей К.Маркса и М.Вебера в понимании класса. Класс — это социальная сила, способная солидарно действовать и изменять общество. В отличие от статусной группы, класс — это не статистическое измерение неравно распределенного в обществе престижа (в зависимости от дохода, власти, образования и т.п.), а динамическая характеристика социального пространства, “сгустков” его деятельностно-культурных потенциалов, определяющих векторы возможных глубинных

движений в обществе. Таким образом, *концепт класса* может быть рассмотрен как *отражающий социальную силу больших социальных образований, имеющих неравное с другими положение по отношению к основополагающим социальным ресурсам, что определяет их жизненные шансы, специфические диспозиции и практики, социальные притязания и социальные возможности совместного действия с целью изменения или упрочения своих шансов*. Социальная сила классовых образований отражает их культурно-деятельностный потенциал и обусловлена совокупностью следующих факторов:

- доступные комбинации социально значимых ресурсов и соответствующих социальных позиций или место в пространстве неравно распределенных социально значимых ресурсов;
- подобные жизненные шансы, которые стимулируют потребность в их изменении либо ограждении;
- специфическое социальное сознание и социальные практики, отражающие оппозиции и солидарности в пространстве социальных неравенств, а также характер социальных притязаний на обладание определенными ресурсами и положением в пространстве отношений;
- способность солидарно действовать или действовать подобным образом в своем стремлении изменить либо оградить свои жизненные шансы.

Совокупность данных факторов определяет и структурно-деятельностную природу класса. Распределение ресурсов и правил, существующее в обществе, становится источником специфических социальных практик и типов социального действия, которые, в свою очередь, существенным образом влияют на существующие структуру и культуру отношений. Класс, формируясь в специфических социальных практиках, проявляется в структуре распределения социально значимых ресурсов, интегрируется в структурах социальных позиций, притязаний и практик, солидаризируется через формы классового сознания и специфических социальных действий. Причем важно подчеркнуть, что детерминация классовой позиции не сводится к какому-либо одному типу ресурсов; классовую позицию могут определять различные комбинации социально значимых ресурсов. Последнее отражает многомерность пространства социальных отношений современного общества.

В таком рассмотрении класса базисным вопросом является вопрос об определяющих классовую позицию ресурсах и отношениях. Именно по поводу данного вопроса сформировались многочисленные точки зрения, от содержания которых существенно зависит видение класса и актуальности данного концепта. Если класс связывается либо исключительно с собственностью на средства производства (согласно “ортодоксальному марксизму”), либо со статусом в рамках профессиональной структуры (что получило утверждение в функциональном “ортодоксальном консенсусе” [критику см.: 19]), то с относительным понижением значимости данных факторов, понижается и гносеологическое значение рассматриваемого концепта. Подобные интерпретации упрощают, если не выхолащивают, глубокий смысл понятия “класс”, отраженный в классическом теоретическом наследии и развиваемый ныне в рамках неомарксистского и неовебериянского направлений, а также теорий структуризации и конструктивного постструктурализма.

И здесь, как представляется, идеи М.Вебера о рыночных позициях и стилях жизни дополняют классовую концепцию К.Маркса, переводя взгляд с наиболее сильных факторов макроструктурных социальных расколов на множественные последующие уровни социально-классовых неравенств, или неравенств в социальной силе, возможностях и характере солидарных действий.

К.Маркс, анализируя глубокие социальные расколы в обществах разного типа, открывает детерминирующую роль факторов отчуждения и эксплуатации в формировании неравенств, классовых позиций, определяющих возможность специфических социальных действий. Заимствованному у Г.Гегеля и Л.Фейербаха понятию “отчуждение” К.Маркс придает целостное социологическое содержание [см.: 15, с. 32–34; 20; и др.]. По К.Марксу, отчуждение как объективное явление имеет место тогда, когда в результате своей деятельности человек не узнает себя в продукте, противостоящем ему как независимая и враждебная сила. Как субъективное состояние отчуждение связано с чувством бессилия, невозможности воздействовать на свою социальную среду. Позже М.Вебер анализирует отчуждение как результат бюрократизированных социальных институтов, Э.Дюркгейм и Р.Мертон – аномию как аспект нравственного отчуждения, Г.Зиммель и Г.Маркузе – “упадок культуры” или аспект творческого отчуждения. Показатели “социального бессилия”, “утраты смысла”, “социальной изолированности”, “самоотстраненности” используются социологами [см.: 21] в качестве важных индикаторов в измерении субъективных проявлений социального отчуждения. Категория отчуждения в ее целостном понимании может быть рассмотрена как наиболее чувствительный критерий существования глубоких социальных расколов в трансформирующемся постсоветском обществе. Прекрасное рассмотрение проявления социального отчуждения в современном украинском обществе в формах “социального безумия”, “социального паралича” можно увидеть в известной работе Н.Паниной и Е.Головахи [22]. Наличие социального отчуждения – это почва возникновения отношений эксплуатации, специфических классовых позиций и социальных практик (“вынужденного социального исключения”, “социального включения”, “добровольного социального исключения”), развития классового сознания и солидарных действий.

Отчуждение усугубляется в формирующихся на его почве специфических социальных отношениях, которые К.Маркс назвал отношениями эксплуатации. Влиятельный современный философ, социолог Дж.Ромер уточняет концепт эксплуатации как “обладание избыточной долей производительных благ” [23], а П.Бурдьё переопределяет понятие благ, капитала как всего того, что может приносить социальную выгоду. С точки зрения П.Бурдьё, такими “капиталами” могут быть отнюдь не только экономические блага, но также культурные (образование, особые знания, умения, стили жизни), символические (авторитет, престиж, репутация), социальные (связи) капиталы [24, с. 57]. Извлечение выгоды через доступ к определенной комбинации ресурсов в ущерб другим, включенным в процесс взаимодействия, определяет суть отношений эксплуатации. Данный фактор детерминировал жесткий скрытый раскол советского общества на классовую позицию “номенклатуры”, использующей организационные и символические ресурсы для принудительного перераспределения результатов

труда других, и тотальную, слабо гетерогенную социальную массу, зависимую от государственных организаций как орудий господства номенклатуры. В несколько модернизированном виде данный раскол сохраняется и по сей день, определяя класс политической, административной и бизнес элиты и классовую позицию множественных фрагментированных социальных образований, представители которых эксплуатируются первой группой, в значительной мере отчуждающей и присваивающей реальную стоимость их труда и социального участия. Над порогом эксплуатации в современных обществах все больше возвышаются высококвалифицированные специалисты и менеджеры, образующие высшие слои так называемого нового среднего класса (“служебного класса”, “класса знания” и т.п.), использующего в своем продвижении, прежде всего, культурный капитал, ресурсы высокого знания и квалификации.

Макроструктурные классовые разделения конкретизируются в социальных ресурсах и жизненных шансах, вытекающих из специфических гражданских, рыночных и трудовых ситуаций, в которые включаются индивиды. Данные факторы класса являются подвижными, неоднозначными. Их комбинация и динамика определяют различную социальную силу и характер возможных социальных действий. В современном мире жизненные шансы людей все больше зависят от ресурсов образования, культурного и социального капиталов [см.: 25; 9, с. 5–6; и др.] и определяемых ими специфических возможностей социального включения.

Феномен класса охватывает не только социализированные, но и индивидуальные характеристики его членов, спонтанные различия, которые определяют меру энтропии класса. Наиболее ярко индивидуальные характеристики выражаются в специфических вкусах, моделях потребления и стилях жизни, которые способны сегментировать классы [24, с. 68–70; 26; 27]. Данные характеристики, по сравнению с гражданской, рыночной и трудовой ситуациями, являются более дробными измерениями класса и отражают, в том числе, особенности распределения композиции капиталов внутри класса, структуру его отношений с другими группами, характер социальных связей и специфику культуры. Это – отражение диатропности социального мира, предполагающей меру гармонии социального образования, но не определяющей однозначность структурных элементов.

В силу того, что явление класса не связано с постоянным членством (в отличие от партии, коллектива сотрудников по работе, этнической группы, семьи и т.п.), оно как бы постоянно возникает вновь, переутверждая или изменяя свое качественное содержание и форму. С присоединением новых членов, изменением объективных социальных ситуаций и культурными сдвигами определенный класс постоянно обнаруживает себя с некоторыми флуктуациями, проявляющимися в параметрах класса. Можно ли говорить об “уходе рабочего класса”, если повысился уровень материальной жизни и изменился акцент в жизненных ценностях? Означают ли появление нового социального класса (“служебного класса”, “класса знания”) факты роста численности людей с высоким образованием, квалификацией и возможностью социального контроля? Ведет ли плюрализация стилей жизни, расширение “секторов потребления” к “упадку класса”? Представляется, что данные и другие подобные вопросы отражают, прежде всего, *эмерджентную природу* класса, его подвижность, которая вытекает из *струк-*

турно-деятельностного основания класса и естественным образом усиливается в периоды быстрых социальных изменений. Постановка данных вопросов однозначно свидетельствует о том, что современное социальное пространство (и знание о нем) уходит (или ушло) от одномерных детерминантных вертикалей, представляет собой множественный порядок, который носит принципиально эмерджентный характер. В процессе социальной структуриации класс продолжает играть важнейшую роль как аккумулятор социальной силы, возникающий и проявляющийся в пространстве неравных структур ресурсов и деятельностных возможностей.

Сегодня мы можем наблюдать в украинском обществе не только формирование множественных классовых позиций (профессионалов, работодателей и собственников, мелких предпринимателей и др.), но и проявление реальных социальных сил, которые дихотомизируют общество. Их проявление непосредственным образом связано с выходом и институционализацией “рыночной энергии” общества (его предпринимательской инициативы), естественным поиском каналов реализации рыночно-ориентированного деятельностно-культурного потенциала. В данном процессе происходит формирование новых социальных практик, новых мотивационных структур действия, идентификация с новыми позициями и социальными возможностями, спонтанный процесс согласования и кооперирования действий больших групп людей, утверждающих свою идентичность и социальные претензии. Такая логика социального развития может привести к проявлению более глубоких классовых разделений, чем те, которые обнаруживаются в современных западных обществах, и сформировать серьезные классовые основания постсоветского социально-политического процесса.

Литература

1. *Немировский В.* Универсумная парадигма в российской социологии // Социология на пороге XXI века: основные направления исследований. — М., 1999. — С. 93.
2. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. — Cambridge, 1990.
3. *Archer M.* Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. — Cambridge, 1995.
4. *Бурдые П.* Начала. — М., 1994.
5. *Beck U.* Risk Society. Towards a New Modernity. — London, 1992 (1986). — P. 9–102.
6. *Clark T.N., Lipset S.M.* Are Social Classes Dying? // International Sociology. — 1991. — № 6. — P. 397–410.
7. *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. — London, 1996. — P. 173.
8. *Marshall G., Rose D., Newby H., Vogler C.* Social Class in Modern Britain. — London, 1988. — P. 143.
9. *Erikson R., Goldthorpe J.* The Constant Flux: A study of Class Mobility in industrial societies. — Oxford, 1992.
10. *Wright E.* Class Counts. Comparative Studies in Class Analysis. — Cambridge, 1997.
11. *Evans G.* Class Conflict and Inequality // International Social Attitudes: the 10-th BSA report. — 1993. — P. 126.
12. *Hout M., Brooks C., Manza J.* The Persistence of Classes in Post-Industrial Societies // International Sociology. — 1993. — № 8. — P.259–277.
13. *Eder K.* Does Social Class Matter in the Study of Social Movements? A Theory of Middle-class Radicalism // Social movements and social classes. The Future of Collective Action. — London, 1995.

14. *Epsing-Andersen G., Assimakopoulou C., Kersbergen K. van.* Trends in Contemporary Class Structuration: A Six-nation Comparison // *Changing Classes. Stratification and Mobility in Post-Industrial Societies.* — London, 1993. — P. 32–55.
15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* — Т. 3. — С. 32–33, 54, 77–78.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* — Соч. — Т. 4. — С. 425.
17. *Weber M.* *Essays in Sociology.* — New York, 1946. — P. 185–189.
18. *Вебер М.* Основные понятия стратификации // *Человек и общество. Хрестоматия / Под ред. С.А. Макеева.* — К., 1999. — С. 90–94.
19. *Giddens A., Mackenzie G. (eds.)*. *Social Class and the Division of Labour.* — Cambridge, 1982.
20. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство // *Соч.* — Т. 3. — С. 39 и др.
21. *Seaman M.* On the Meaning of Alienation // *American Sociological Review.* — 1959. — Vol. 24. — P. 783–791.
22. *Головаха Е.И., Пашина Н.В.* Социальное безумие. История, теория и современная практика. — К., 1994.
23. *Roemer J.E.* *A General Theory of Exploitation and Class.* — Cambridge, 1982.
24. *Бурдьё П.* Социология политики. — М., 1993. — С. 57.
25. *Marshall G.* *Repositioning Class: Social Inequality in Industrial Societies.* — London, 1997. — P. 57.
26. *Bourdieu P.* *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste.* — London; New York, 1986.
27. *Saunders P.* *A Nation of Home Owners.* — London, 1990.